

Центральная библиотека
Очерского городского округа

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРАХОВ. ПУТЬ КРАЕВЕДА

Дайджест

Очер 2020

ББК 91К

Василий Николаевич Грахов. Путь краеведа : дайджест / Центральная библиотека Очёрского городского округа ; составитель Е. О. Шадская. – Очёр, 2020. – 28 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя.....	2
Из «Книги памяти Очерского района»	2
Суровые будни войны (В. Грахов).....	3
Шесть дней и вся жизнь (Н. Рязанов).....	5
Солдатская смекалка (В. Грахов).....	8
Охотник Грахов (Б. Криницкий).....	9
Поход на озеро (В. Грахов).....	11
Сердце, открытое людям (Н. Рязанов).....	11
Волшебная птица (А. Каменский).....	17
 Из рассказов охотника	
Крылатые питомцы.....	21
О чем поведали следы.....	23
Лесная трагедия.....	24
 Стихи	
Плач совы.....	26
Вестники весны.....	27
Клесты.....	27
 Список литературы.....	28

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Василий Николаевич Грахов – один из замечательных людей, которыми гордится Очёр. Краевед, охотник, зоолог, ботаник, педагог, участник Великой Отечественной войны, он известен тем, что работал на очёрской станции юных натуралистов плечо к плечу с А. В. Нецветаемым. Долгие годы он посвятил изучению флоры и фауны района, изготовлению чучел, муляжей и учебных пособий. Своим воспитанникам Грахов прививал любовь и уважение к родной природе и остался для них достойным примером служения людям.

В настоящем издании собраны разные по жанру публикации о Василии Николаевиче Грахове, а также его статьи, рассказы и стихи. Дайджест адресован всем, кто увлекается краеведением, историей, охотой, зоологией.

ИЗ КНИГИ ПАМЯТИ

Грахов Василий Николаевич 1909 г. р., п. Очер; призван Верещагинским РВК 1.08.1941. Участие в войнах: Великая Отечественная; японская 1945. Старшина, стрелок, санинструктор 22-й отдельной лыжной бригады, 71-й сп 28-й гв. сд 08.09.45 в составе 5 гв. тк – сапер. Белорусский фронт, 2-й Украинский фронт, Забайкальский фронт. Демобилизован в 1945 г. Боевые награды: орден Красной Звезды, медали. «За взятие Кенигсберга», «За отвагу, За победу над Германией», «За победу над Японией». Ранения: 5.08.43 – в правую ногу, 11.02.45 – контузия, всего 8 ран. Формовщик ОМЗ, член КПСС.

Грахов Василий Николаевич // Книга Памяти 1941-1945. Очерский район. Т. 2. – С. 132–135.

СУРОВЫЕ БУДНИ ВОЙНЫ

Когда в Москве 5 августа 1943 года прогремел первый за годы войны салют в честь наших войск на Курской дуге, освободивших Орел, меня в тот день ранило под Белгородом. После госпиталя в конце декабря я попал в мотоциклетную роту. В мае сорок четвертого мы двинулись эшелоном на фронт и выгрузились где-то за Гомелем.

Мотоциклы нам достались тяжелые, американские, марки «Харлей», с очень низкой посадкой. Пришлось крепко буксовать в белорусских песках и болотах. Наша рота предназначалась в основном для связи с тремя танковыми бригадами, для разведки.

Меня назначили командиром звена, в которое входило три мотоцикла, на каждом – экипаж из трех человек: водитель за рулем, пулеметчик с «Дегтяревым» в люльке, автоматчик на заднем сиденье. Наш корпус вступил в бой под Барановичами, участвовал в освобождении этого города, а также Пинска и Слуцка. И вот где-то около Пинска мы встретились с партизанским соединением легендарного С. А. Ковпака. Партизаны нам сообщили, что по большаку из Пинска отступает большая колонна полицаев, человек 500–600. Наше командование решило перерезать дорогу и разгромить гитлеровских прислужников.

Ковпаковцы согласились провести нас к большаку лесными тропами. Здесь народные мстители отлично знали местность. С ними двинулись два наших бронетранспортера и два танка. Через день колонна полицаев была разгромлена.

Вот тут среди партизан я и увидел знаменитого партизанского вожака. Сидор Артемьевич уже тогда носил на груди Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Освободив Белоруссию, наш корпус направился в Литву, которую без особого сопротивления врага мы прошли за 15 дней, и достигли Бреста у старой границы. Побывали, конечно, в казематах крепости.

Они сохранились, выдержав штурм и осаду врага, но остальные здания и постройки были разрушены и сожжены. Через сутки, дождавшись пехотные части, мы переправились через Буг и вступили на польскую землю. Гитлеровские войска с каждым днем усиливали сопротивление, используя выгодные естественные рубежи и высоты.

Продвинулись мы за первый день после переправы на 12–15 километров и встретили прочную оборону противника. Командование нашего корпуса подтянуло артиллерию, одновременно наши танки совершили обходной маневр с флангов. Фашистов удалось сбить с их позиций на высотах. В этом бою у нас подбили несколько танков и пять мотоциклов, в том числе и наш. Мы оказались «безлошадными».

Доложили в штаб. Нам приказали мотоцикл оставить, снять с него пулемет, явиться к штабу и ждать распоряжений. Нас собралось человек 12. Часа через два приехал командир одной из танковых бригад. Комбриг, в кожаном реглане, в болотных сапогах, подошел к нам, побеседовал и распорядился посадить часть «безлошадных» на английские танки, которые мы прозвали «Валентинами» – их в корпусе было две штуки, а остальных – на бронетранспортеры.

С тех пор я стал воевать на броне. На танке нас оказалось трое, у двоих – ручные пулеметы, третий – автоматчик. Командиром нашего танка был лейтенант А. С. Сажин, механиком-водителем – В. М. Углев, стрелком-радистом – Голошвили.

Эти легкие танки тоже предназначались для связи между бригадами. Мы ездили с приказами чуть не каждый день, попадали под артобстрелы и бомбежку. Однажды получили задание связаться с 19-й бригадой, которая преследовала отступавшего противника, выбивая его из мелких хуторов. Долго искали эту бригаду.

Подъехали к горевшему хутору, там обгорелые поросята бегают, а один уже чуть живой. Тут же мы увидели и следы от гусениц. Постучали по башне, командир нашего танка выглянул из люка. Мы показали следы. Командир вылез, проверил и сказал, что это и есть, наверное, танки 19-й бригады.

– А поросенка взять можно, товарищ лейтенант? – спрашиваем.

– Зачем добру пропадать? Почти зажаренный...

Он разрешил пристрелить и положить в ящик на броне.

Поехали по следу гусениц к другому горящему хутору. Там стоял подбитый танк Т-34. Дальше обнаружили свежие ячейковые окопы вдоль полевой дороги. Нам дали сигнал остановиться. Голошвили с автоматом прыгнул с брони и побежал к окопам. Нас оттуда предупредили, чтобы мы с пулеметом были начеку.

Из темноты вынырнул Голошвили, ведет двух немцев с поднятыми руками. В это время по нам ударила автоматная очередь. Командир нашего танка, захлопнув люк, развернул башню и послал пять осколочных снарядов. Фашисты замолчали.

Мы вскарабкались на танк и поехали дальше. Нас снова обстреляли, на этот раз из орудий. Опять натолкнулись мы на нашу пехоту на передовой, а 19-ю бригаду найти не можем, приказ до сих пор не выполнен. Командир танка решил вернуться. Настроение у нас было неважное. За невыполнение приказа по головке не погладят: трибунал, штрафная рота, может быть, даже расстрел.

Это ЧП разбирал сам командир корпуса. Встретил он нас сурово, велел все объяснить по порядку, потом связался с пехотной частью, занимавшей оборону у хуторов. Оттуда подтвердили, что ночью действительно какой-то танк вел бой с противником, слышалась и автоматная перестрелка. Командир корпуса на этом не

успокоился. Он велел нам позавтракать и через два часа быть готовыми показать ему дорогу к месту нашего ночного сражения. Поехали. Командир корпуса – за рулем «виллиса», он редко ездил с шофером.

Добрались до хуторов. Генерал лично убедился, где развернулся наш танк, увидел стреляные гильзы от наших пулеметов, кровавые лоскутки немецкого обмундирования. Убитых гитлеровцев не оказалось. Если они и были, их унесли.

– Вот сейчас я убедился, что вы вели бой, – сказал генерал и приказал возвращаться в часть, привести в порядок оружие, пополнить комплект боеприпасов, постирать гимнастерки, подшить свежие подворотнички.

На другой день личный состав выстроился у штаба. Нам приказали выйти из строя. Экипажу нашего танка и десанту командир корпуса объявил благодарность и представил к правительственным наградам.

Дальше наш путь лежал на Варшаву. И надо же такому случиться, опять 5 августа, но уже 1944 года, меня снова ранило – в 20 километрах от польской столицы. В полевом госпитале достали из меня минные осколки и отправили в глубокий тыл – в Пензенскую область, где я лечился до января 1945 года. И снова бои...

Грахов, В. Суровые будни войны / В. Грахов // [Знамя труда](#). – 1975. – 22 июля.

ШЕСТЬ ДНЕЙ И ВСЯ ЖИЗНЬ

С пригорка, где взвод ПТР – противотанковых ружей – оборудовал огневые позиции, хорошо просматривались участок шоссе и поля по обе его стороны с поспевающей кукурузой, просом, коноплей.

Приказано держать под прицелом дорогу, не пропустить врага, который наверняка попытается сюда сунуться. Шел пятый час утра 5 августа 1943 года. В тяжких солдатских трудах незаметно пролетела короткая летняя ночь. Пока выбрали подходящее место, зарылись поглубже в землю, приготовили ружья, патроны, времени не осталось вздремнуть хотя бы часок.

Это была не первая военная специальность Василия Грахова, и сам он был обстрелянным бойцом. Боевое крещение получил в лыжной бригаде под Старой Руссой, контужен, отлежал в госпитале два месяца. Да и раньше не прохлаждался.

Призван в армию летом сорок первого. Эшелон повез новобранцев на восток. В Монгольской Народной Республике построили две узкоколейные железные дороги общей протяженностью более шестисот километров. В мае сорок второго валили лес, прорубая трассу в тайге под Иркутском. Через месяц на замену нашим

бойцам туда привезли пленных немцев, а Василий Грахов неожиданно попал на родной Урал, под Свердловск – опять строить железную дорогу.

Отсюда по решению медицинской комиссии ему в числе десяти человек дали трехмесячный отпуск на поправку здоровья по месту жительства. Грахов к тому времени весил 52 килограмма – до войны его вес был 78. Со станции Верещагино до Очера 24 августа 1942 г. добирался пешком, часто отдыхая, с 6 утра до 6 вечера.

Получил продуктовые талоны: 500 граммов хлеба на день, 400 граммов маргарина или растительного масла на месяц и пол-литра водки – тоже на месяц. С голоду не умрешь, но и не ожиреешь, конечно. Во всяком случае, не скоро войдешь в норму, обретишь прежнюю форму.

И Грахов отправился на охоту, прихватив заодно и удочки. Выбившись из последних сил, добрался до Гарей, отдышался, унимая дрожь в руках. Из камышей взлетели несколько уток. Вскинув ружье, успел выстрелить, подбил трех, подобрал двух, к третьей не смог протолкаться через камыши. Взялся за удочки и неподалеку от [Уваровской](#) мельницы наловил несколько килограммов окуней.

Увидел тут Грахова старый знакомый по охоте и рыбалке мельник Михаил Федорович Хренов, брат [Аркадия Федоровича, генералполковника, Героя Советского Союза](#), тестя П. А. Бурдина – героя Сталинградской битвы.

– Откуда ты такой прибыл – одни кости да кожа? – спросил мельник.

Грахов коротко рассказал.

– Тогда понятно, – кивнул Михаил Федорович. – Монгольские суховеи из тебя все выдули, сейчас тебя надо на откорм ставить.

И мы как-нибудь это наладим...

И он первым делом помог Грахову обменять рыбу на муку, которую смололи приехавшие в тот день мужики. За каждый килограмм рыбы выторговали полтора килограмма пшеничной муки. Михаил Федорович в память о старой дружбе предложил Грахову конопатить водосливной ларь у мельницы и еще кое-что по мелочи, платить за работу пообещал бусом – мучной пылью и прочими отходами при помоле.

– Я и сейчас вспоминаю его добрым словом, – говорит Василий Николаевич, – Он помог мне встать на ноги. Через три месяца меня признали по всем статьям годным к строевой службе.

...Залечив первые раны, полученные в боях в составе лыжной бригады, Грахов попал в 28-ю гвардейскую стрелковую дивизию, стал первым номером в боевом расчете противотанкового ружья. Дивизия, переформированная и пополненная, вступила в бой на завершающем этапе Курской битвы, 30 июля, и в числе других частей получила задачу выбить противника из Белгорода.

За шесть дней ожесточенных боев хватило сполна всякого лиха – сплошной дым, огонь, грохот. Наступило раннее утро 5 августа.

На шоссе показалась колонна крытых автомашин и бронетранспортеров. Вторым номером у Грахова был Николай Пастухов, почти земляк, родом из Свердловской области. Оба в совершенстве изучили нехитрое устройство и неплохие возможности ПТР систем Дегтярева и Симонова. Знали, что машину надо бить по шинам или по мотору, а танк – по гусенице.

Ударили сначала бронебойными по одной, другой машине, для верности добавили зажигательными. Справа и слева стреляли по колонне соседи, и кто сколько подбил, разбираться некогда, но Грахов с напарником, по его твердому убеждению, пять машин подожгли. Вражеская пехота высыпала из всех грузовиков, целых и подбитых, бросилась в атаку, охватывая спереди и с флангов полукольцом. Пэтээровцы, взвалив на плечи тяжелые ружья, отошли под перекрестным огнем, путаясь в высокой кукурузе. Из взвода десятерых ранило, в том числе и Грахова с помощником. Уже без них в то же утро 5 августа Белгород был освобожден. Тем же днем войска других фронтов очистили от фашистов Орел, и в Москве прогремел первый за войну победный салют.

Дальше Василий Николаевич воевал в 5-м гвардейском танковом корпусе, соединившемся в Белоруссии с конно-механизированной группой войск генерала И. А. Плиева. Там такой случай произошел на глазах Грахова. Летел немецкий самолет-разведчик, прозванный фронтовиками «рамой», «сатаной с оглоблями» и прочими нелестными эпитетами.

– Огонь по «раме»! – скомандовал Плиев расчету 76-миллиметровой полевой, обычной пушки. Стрельнули два раза, и самолет развалился на две половинки Летчиков в плен взяли.

На Украине Грахову и его товарищам довелось также встречаться с командиром партизанского отряда Д. Н. Медведевым. Месяц воевал Василий Грахов в десанте на броне английского танка «Валентайн», по-русски окрещенного «Валентином». Восемь ран за войну получил – три пулевых, пять осколочных, но кости целы.

Дважды отмечал День Победы. 9 мая – в Кенигсберге, 3 сентября – неподалеку от Порт-Артура. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими. В сорок пятом принят в ряды коммунистов.

Сейчас Василию Николаевичу идет 75-й год. Охоту забросил, но без дела не сидит. Все чучела зверей и птиц в местном музее – дело его рук. По договору с заготконторой ловит кротов – по 600 штук за лето. Нынче сдал 250.

– Остатки в сентябре поймаю, – говорит он. – Сейчас кроты линяют.

Сушатся у него дома, в тени под навесом, пышные пучки пустырника. В прошлом году принес в аптеку 10 килограммов лекарственных трав. Зреет богатый урожай различных сортов яблок и груш в его саду. И еще успевает бывший солдат

временно подменять вахтеров вневедомственной охраны в некоторых заречных организациях города.

Ветеран по-прежнему в строю.

Рязанов, Н. Шесть дней и вся жизнь / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1983. – 4 августа.

СОЛДАТСКАЯ СМЕКАЛКА

День победы, 9 мая 1945 года, мне довелось отметить в Кенигсберге, а вскоре нашу часть направили на Дальний Восток. Ночными маршами мы шли почти через всю Монгольскую Народную Республику – 750 км. Я к этому времени после ранения был санинструктором. Я был обязан следить, чтобы каша у повара не подгорела, чтобы в котле было заложено все, что солдату полагается, перед походом портянки у бойцов проверить. А тут еще одна забота прибавилась – с водой очень трудно было. Подвозили ее издалека и помалу, по одному литру на бойца в сутки. А днем жара несусветная, пить хочется больше, чем спать. От солнечных ударов в нашем полку свалилось около 70 человек, их везли на машинах.

Перед последними бросками через границу Монголии мы ночью отдыхали, а воду вовремя накануне не подвезли. Меня вызвал командир роты:

– Старшина Грахов, ты охотник и природолюб, и вот тебе задание: к утру напоить роту! Два часа тебе на размышления, а потом доложишь, как намерен действовать.

– Тут два часа думать нечего, товарищ командир, – говорю. – Попробую напоить всю роту.

– А как? – с интересом спрашивает комроты.

– Росой, – говорю. – Разрешите перед рассветом поднять половину взвода и взять у старшины роты десятка два простыней и полотенец.

Командир меня понял и разрешил.

И вот рано утром в нашем расположении можно было наблюдать не совсем обычную картину: по ложине, где среди кустарников росла пожелтевшая от зноя трава, пошли бойцы, волоча по сырой траве простыни, полотенца, даже нательные рубахи. Когда материал обильно пропитался влагой, стали выжимать воду в котелки. Конечно, она была не очень чистой, слегка мутноватой, но пить вполне можно. Насобирали мы за одно утро почти по полтора литра воды на каждого бойца роты.

Этим способом позже стал пользоваться весь наш полк, и командир даже поговорку сочинил:

– Кто раньше встанет, тот больше воды достанет.

А мне перед строем – благодарность.

Грахов, В. Солдатская смекалка / В Грахов // Книга Памяти Очерского района. Т. 2.
– С. 135.

ОХОТНИК ГРАХОВ

Высокий худощавый, сорокалетний зоолог, по его собственным словам, родился охотником. Как и всякий охотник, он склонен к некоторому преувеличению своих охотничьих трофеев, утверждая с самым серьезным видом, что им убито «около миллиона» птиц и зверей. Это, пожалуй, единственная неправда, сказанная за всю жизнь честным и прямолинейным во всем остальном Граховым.

До 1936 года он много лет работал формовщиком на [Очерском заводе](#), но от этого лес не утратил для него своей прелести и всегда манил его к себе с той же неодолимой силой, что и в детстве, когда мальчик Вася Грахов пропадал в [сосновом бору](#) целые дни. Никто не мог упрекнуть Василия Николаевича в нерадивом отношении к обязанностям формовщика, однако завод с его кипучей, интересной жизнью всегда уступал в сердце Грахова место красотам природы, к которой он стремился, улучив свободный часок.

В конце концов охотничья страсть заставила его расстаться с заводом и жить, промышляя охотой, вплоть до Великой Отечественной войны, которую, как и Нецветаев, он прошел в шинели бойца от начала до победы. Только демобилизовался он не на берегах Дуная, подобно Александру Васильевичу, а в еще более далеком от Очера городе Чанчжоу. Во всем остальном их солдатские судьбы были до того сходны, что даже боевые награды у каждого те же: оба носят по ордену Красной Звезды и значок отличника санитарной службы.

Подобно тому, как фотограф, воюя, мечтал о своей новой профессии садовода, Василий Николаевич твердо решил на фронте, что если смерть минует его, он будет после войны работать в зоопарке. На войне, где опасность сближает людей, прежняя отшельническая жизнь вдруг показалась Грахову «волчьей», и он понял, что его великолепное знание природы может принести больше пользы, если отдать его науке. Но случай внес поправку в эти фронтовые планы, столкнув охотника с [Нецветаевым](#).

Они были знакомы и раньше, так как, живя в Очере с малых лет, нельзя не знать друг друга. И все же, встретив Александра Васильевича в 1946 году, Грахов не узнал в нем бывшего фотографа, вечно озабоченного, вечно спешившего куда-

то с громоздким фотоаппаратом на длинной треноге через плечо. Это был совсем другой человек, весь светившийся какой-то неизбывной радостью.

– Вот, брат, – возбужденно рассказывал он охотнику, – прожил почти полвека, а только в конце пятого десятка вытянул свой жребий...

Этот «жребий» Грахов внимательно рассматривал через пять минут, когда бывший фотограф затащил его на станцию юных натуралистов, где к тому времени уже появилось довольно много любопытных экспонатов [краеведческого музея](#). Все, что увидел Василий Николаевич на музейных стендах, заинтересовало его не меньше, чем детей, впервые переступающих порог этого дома. Только смотрел он на «нецветаемские богатства», разумеется, не взором ребенка, перед которым раскрывается неведомый мир, а глазами охотника, внезапно почувствовавшего себя в знакомой и близкой обстановке.

Мечты о зоопарке, заслонявшие в нем до тех пор все иные стремления, вдруг сменились страстным, нетерпеливым желанием разделить с Нецветаемым его «жребий» и вечно дышать этим творческим воздухом юности. Чтобы не показаться Александру Васильевичу навязчивым, Грахов стал издалека говорить о том, какой большой интерес может пробудить в детях изучение фауны родного района. А Нецветаем, уже догадавшись по возбужденному состоянию обычно флегматичного охотника о его скрытых мыслях, просто сказал:

– Хочешь, будем работать вместе?

И охотник крепко пожал руку директора станции юннатов.

Через день–два он притащил из дому сорок чучел разных птиц и зверей, бросив мимоходом в сторону Александра Васильевича:

– Это мой пай.

– Но у меня ведь нет денег, чтобы купить твой зоопарк, – признался директор станции.

– А ты сам разве продавал вот это, и вот это, и вот то, – сердито ответил Грахов Нецветаему, тыча пальцем в экспонаты, либо подаренные Александром Васильевичем музеем, либо купленные им за свой счет.

– Ну, спасибо тебе, – поблагодарил директор охотника и помог ему расставить чучела так, что музей стал похож на красивую сказку.

Как и Нецветаем, Василий Николаевич Грахов придает очень большое значение всестороннему развитию юннатов, воспитывая в них чувство глубокой любви к своему району, к нашей великой Родине. Как и Александр Васильевич, он, не будучи профессиональным педагогом, умеет с тонким педагогическим тактом извлекать из детских увлечений общественную пользу. Но все его начинания в области природоведения отличаются той чудесной романтикой, которая может увести каждого из нас в дни нашей юности «хоть на край света» и которой не

хватало Нецветаеву, когда он довольно долго безуспешно пытался привлечь школьников к мичуринским опытам.

Чучела птиц и зверей, подаренные Граховым музеем, примели ребят в восторг. Потом этот восторг сменило раздумье.

– А живых нельзя завести, Василий Николаевич?

– Живых вы будете ловить сами, – ответил зоолог.

Это показалось детям слишком смелым. Ну, воробья еще можно подстрелить из рогатки, а попробуй-ка поймать лису или волка!

– Поймать не так уж трудно, – сказал Грахов, – но, прежде чем ловить, надо очень хорошо изучить того, за кем собираешься охотиться. С этого давайте и начнем.

Криницкий, Б. Охотник Грахов / Б. Криницкий // Домик в Очере. – Москва : Госкультпросветиздат, 1949. – С. 31–34.

ПОХОД НА ОЗЕРО

Интересный поход на [озеро](#) совершили на-днях члены туристического кружка пионерского лагеря Очерского машиностроительного завода. Ребята познакомились с происхождением озера, его обитателями и растительностью. По дороге собрали коллекцию насекомых и гербарий, кольцевали птиц.

Поход на озеро был замечательным отдыхом для ребят. То, что узнали они из моих рассказов и великой книги живой природы, будет для них богатым дополнительным материалом при изучении биологии и ботаники.

Сейчас пионеры, члены туристического кружка, готовятся к новым походам, которые мы совершим в ближайшие дни к месту нахождения [волконскоита](#) и на [прокопь](#) реки Чепца.

Грахов, В. Поход на озеро / В. Грахов // Сталинский ударник. – 1952. – 20 июля.

СЕРДЦЕ, ОТКРЫТОЕ ЛЮДЯМ

Недавно, перебирая старые записи, я обнаружил такую, сделанную в 1958 году: «В. Н. Грахов. За рекой. У В. Н. Г. ученый ворон. Сорока».

Я вспомнил, что о Грахове мне рассказал товарищ по работе автокрановщик Б. Ф. Пьянков. Вспомнил и то, что впервые о Василии Николаевиче мне довелось

услышать... в Хабаровском крае в 1949 году: моя мать прислала туда книжку «Домик в Очере».

Но лично встречаться с Граховым не приходилось: я не охотник, и живем мы в разных концах города.

Сейчас он работает в административно–хозяйственном отделе машзавода.

* * *

...Как–то даже странно было увидеть перед собой еще не старого, худощавого, чуть сутуловатого человека, ставшего местной легендой. А он приветливо поздоровался и, не выказывая удивления, в спокойном ожидании смотрел на пожаловавшего к нему на работу незнакомца.

Кроме личного желания познакомиться с ним, у меня был и другой умысел: попросить Василия Николаевича написать для газеты охотничий рассказ. В этих «грехах» пришлось сразу же чистосердечно признаться.

– Ничего особенного у меня нет, – сказал он. – Да и писали уже...

– А сами почему не пишете?

– Тоже писал. Печатали в журнале для охотников.

– С вас можно потребовать больше. Когда к вам прийти?

Договорились на субботу.

В половине третьего мы встретились у заводоуправления и пошли по льду пруда, разговаривая о том о сем. Дорогой я узнал, что Василий Николаевич родился в Очере в 1909 году, а весной двадцать восьмого купил плохонькое ружье и третьего мая встретил первую охотничью зорьку на тетеревином току.

В молодости Грахов работал в артели «Работник», потом стал штатным охотником райпотребсоюза и один «вытягивал» районный план по кроту: добывал 8,5 тысячи кротовых шкурок вместо 7,5.

А вот и дом охотника на улице Карла Либкнехта. В первую очередь Василий Николаевич показал свой сад со стройными рядами яблонь и разных чудес, вроде рябины, привитой на ирге, [яблони](#) на рябине, крыжовник без колючек и тому подобное. Все это, присыпанное снегом, выглядело не так, как весной или летом, но тем не менее производило должное впечатление. Тут же, в саду, хозяин подарил мне головку с семенами – гибрид чеснока с луком.

* * *

В открытой вольере под крыльцом ворковали десять белых голубей. Кивнув в их сторону, Грахов сказал:

– Ими сыновья занимаются.

Вдоль забора клетки с кроликами.

– Сколько же этих домашних зайцев?

– Да уж мало осталось: 37 штук...

В комнате я увидел молодого человека.

– Сын? – спросил я, поздоровавшись.

– Тоболкин Николай Александрович, – представился он.

– Ага, значит, друг сына? – Вернее, бывший воспитанник Василия Николаевича.

– Где живете?

– Во Владивостоке. Николай воспитывался в Очерском детском доме с 1955 до 1959 года. Поработав там же, где начинал когда-то Грахов, он ушел в армию и после службы остался на Дальнем Востоке. Сейчас – слесарь Дальзавода. Часть нынешнего отпуска Тоболкин провел в Москве, а на обратном пути завернул в Очер, чтобы навестить бывшего инструктора по труду в детском доме В. Н. Грахова и оставшихся здесь однокашников. Он приехал накануне, ночевал у Василия Николаевича.

Старый охотник очень тронут визитом бывшего воспитанника, глаза Грахова увлажнились, и он не скрывал этого. И Тоболкина встретили здесь как самого дорогого гостя.

Затем я знакомлюсь с архивами хозяина. На столе появляются знаменитые альбомы, дающие полное представление о животном мире нашего района. Нарисованные искусной рукой звери и птицы, как живые, так и рвутся со страниц альбомов. Лоси, волки, рыси, барсуки, рябчики, журавли, утки изображены в разных положениях: сидя или в полете, в борьбе или в поисках пищи.

Один из альбомов состоит из загадок-иллюстраций: Чей клюв? Хохол? Хвост? Кто летит? Кто грыз дерево, ветку, шишку? Чьи следы на снегу? (на глубоком и мелком, плотном и рыхлом).

Во всех рисунках красной нитью проходит неиссякаемая любовь к природе и ко всему живому в ней. Такие природолюбцы и умельцы встречаются нечасто.

Тут же в рисунках приводится охота без ружья: флажки, ловушки, карусели, кляпцы, капканы, рожоны, хлопушки... Даже с помощью самоварной трубы, оказывается, можно поймать крысу, направив колено трубы над бочкой с водой. Сороку можно поймать бумажной воронкой, тетерева – накрыть шатром-самоловом.

* * *

Дальше следуют правила-иллюстрации набивки чучел.

Другой альбом показывает строй летящих птиц разных видов, карты их воздушных путей, направление полета в Очерском районе осенью и весной.

А вот самый большой по формату альбом хищных птиц района: сорокопут, сыч, сокол, кукушка, пустельга, ронжа, кедровка, ушастая и болотная совы...

Залетают даже орлы. Тридцать один вид птиц в альбоме. Рисовались они всего два месяца: с 20 февраля по 18 апреля 1947 года. Каждая птица – на отдельном листе размером в половину газетной страницы. Это же большой труд!

* * *

Не оставлял свое увлечение художник и на фронте. Он воевал в лыжной бригаде, в роте мотоциклистов, во взводе противотанковых ружей, сапером и санинструктором. Трижды ранен, раз контужен. Имеет правительственные награды: орден Красной Звезды и медали. На фронте он стал коммунистом.

В перерывах между боями рисовал фронтовые пейзажи, портреты русских полководцев Суворова и Кутузова, зарубежные деревушки и карикатуры на фашистов. Вот лишь одна из едких карикатур для армейской стенгазеты. На ней изображен Гитлер, мечущийся в ярости, а сзади шушукаются двое из его свиты. Надпись: «Геринг: «Почему это фюрер опять распсиховался?» Геббельс: «Потому что Рокоссовский в гневе».

На стенах квартиры Грахова много картин, они написаны маслом, изображают сцены из охотничьей жизни. Много чучел в рамках под стеклом. Сидят они на ветках, на красочном фоне, как на воле.

Такие экспонаты Грахова есть и в школах, и в областном краеведческом музее, и на ВДНХ в Москве. В Москве, например, он их увидел случайно: они попали туда с Центральной станции юннатов. Несколько заказов выполнено для Московского Госуниверситета.

Грахов и сейчас охотничает. Об этом красноречиво говорят три ружья на стене. Три его сына – тоже страстные охотники. На днях старшего проводил в армию. Есть и две дочери.

У Василия Николаевича по-прежнему зоркий глаз и цепкая память. Он столько рисовал с натуры птиц и зверей, что и теперь может по памяти перенести на бумагу их формы, «позы» и пестрое разноцветье.

* * *

В прошлом году 57-летний труженик оставил работу в [детдоме](#). Все труднее становилось готовиться к занятиям, составлять планы уроков, конспекты.

Поступил на машзавод и сейчас занимается мелким ремонтом служебных помещений. Нынче он с учащимися привел в порядок изрядно запущенный клубный сад, обрезал деревья. Никогда он не откажет любому садоводу-любителю сделать прививки культурных сортов яблонь или владельцу кроликов помочь обработать шкурки.

Председатель завкома Г. П. Бессонов сказал о нем:

– Сам скромный и работающий, а к людям сердце всегда открыто, очень отзывчивый человек. Его выбрали председателем цехового комитета, хотя и работает у нас недавно.

Секретарь парткома С. М. Хохряков добавил по своей «линии»:

– Все поручения выполняет добросовестно. Как к коммунисту к нему претензий нет.

* * *

Большое богатство представляют рукописи, наблюдения дотошного следопыта, рассказы и стихи. Большинство из них литературно обработаны и напечатаны на машинке, но почти нигде не публиковались. Василий Николаевич и не стремился к этому. Его цель была более скромной, но не менее благородной: он читал свои рассказы и стихи детям, с которыми работал и дружил много лет. Он учил их любить природу, постигать тайны животного мира, приучал к труду. Семена, брошенные в благодатную почву, сейчас дают добрые всходы. Бывшие воспитанники давно разлетелись в разные стороны, однако до сих пор не забывают старого наставника.

Немалую помощь учителям на уроках естествознания оказывают и сейчас рисунки зверей, чучела птиц, заметки натуралиста. За альбомами охотника даже «охотились» работники областного отдела народного образования, предлагая Грахову большие деньги. «Но зачем же продавать?» – решил он.

– Пусть так пользуются, когда потребуется. – И никогда не откажет дать их на уроки или нарисовать по заказу и подарить.

* * *

В заключение я спросил:

– Василий Николаевич, говорят, у вас был ворон...

Вместо ответа хозяин подал мне сборник рассказов А. Каменского «Мой друг Кирочка». Один из рассказов был о Грахове и его прирученном вороне под кличкой Крыл. Книга вышла в Пермском издательстве в 1959 году.

Ну, а о своей «ученой» сороке-белобоке он нашим читателям сам как-нибудь расскажет.

Мое посещение охотника превзошло все ожидания. Я ушел от него с пачкой охотничьих рассказов, стихов, заметок натуралиста.

Рязанов, Н. Сердце, открытое людям / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1965. – 28 декабря.

Фото из архива краеведческого музея им. А. В. Невцетасва

Рисунок В. Грахова, фото Н. Рязанова

ВОЛШЕБНАЯ ПТИЦА

Однажды летом, в дни отпуска, я посетил маленький уральский городок Очер. Это очень красивый городок. Он расположен среди густых смешанных лесов, на берегу большого пруда. В Очере, на станции юных натуралистов, я познакомился со знаменитым в том краю охотником Василием Николаевичем Граховым.

Василий Николаевич очень любит птиц. Если бы вы побывали в его маленьком деревянном домике, вы бы просто поразились, до чего у него много всяческих чучел – тут и тетерев, и ястреб, и глухарь, и филин, и дрозд-рябинник, и сойка... Да разве всех перечтешь?..

Давно мечтал Василий Николаевич приручить птицу-хищника, да так, чтобы была она его верным другом и помощником в охотничьем труде.

Уселся как-то ранним утром Василий Николаевич в свою лодку и поехал за дровами на [остров](#), что раскинулся посередине [пруда](#). А на этом острове воронья, что попугаев. Ходит охотник между стволов могучих деревьев, сучья собирает, прислушивается к неумолчному гомону и карканью воронья...

Видит Грахов: у коряги, в траве, какой-то черный комочек копошится. «Вороненок из гнезда выпал!» – подумал Василий Николаевич. Нагнулся, осторожно взял его в руки и бережно положил за пазуху.

Вороненка он назвал Крылом. Как в сказке говорится, рос вороненок не по дням, а по часам. А когда стал взрослым вороном, так привязался к своему хозяину, что не отставал от него ни на шаг. Даже и тогда не отставал, когда Василий Николаевич на завод шел. Большого труда стоило Грахову отучить своего пернатого приятеля от такого провожания: кому-кому, а ворону в цехе делать нечего!

Не сразу, конечно, вороненок стал гоняться за хозяином, сперва даже дичился, боялся его, сердито косил глазами, отворачивался, отказывался от еды.

Ласково обходился с вороненком Василий Николаевич, часами беседовал с ним, учил уму-разуму, повадкам разным.

Как-то осенним днем довелось мне встретиться с Граховым на развилке дорог, у опушки леса. Он возвращался с охоты. Идем, беседуем на разные темы... Я уже знал некоторые привычки Крыла и не удивлялся тому, что он, сопровождая хозяина, то садился ему доверчиво на плечо, то с веселым карканьем взмывал вверх, в синеву неба.

На окраине Очера к нам присоединилась группа ребят — приятелей Василия Николаевича. Видят ребята, что охотник то и дело поглядывает вверх.

– Дядя Вася, что вы в небе-то потеряли? – спросил охотника юркий веснушчатый паренек Петя Тютиков.

– Птицами люблюсь... Видите, вон кружатся над нами! – ответил, чуть приметно улыбаясь, Василий Николаевич.

И действительно, высоко в небе с громким торжествующим карканьем кружилась стая черных воронов.

Петя Тютиков, который задал вопрос охотнику, разочарованно протянул:

– А-а-а... Я думал, что другое... Много воронья тут летает, смотри на них, пожалуй, целый день!

Василий Николаевич решил позабавить юных попутчиков:

– Вот я сейчас крикну одного ворона, и он обязательно прилетит ко мне!

Ребята и слушать не хотели охотника: где это видано, чтобы диких воронов с небес сманивать?! А Грахов как закричит:

– Крыл! Крыл! Сюда-а-а!

Шумно махая черными, точно полированными, крыльями, птица полетела вниз и, сделав плавный круг над головой охотника, каркнула и важно уселась на его вытянутую руку. Только круглые карие глаза ее лукаво поблескивали...

Ребята так и ахнули, а я даже затылок почесал:

– Ну, Василий Николаевич, тебя можно после такого случая в колдуны записать!

Охотник только усмехнулся моей шутке и, ни слова не сказав, подбросил высоко вверх свою фуражку. Крыл, не долго думая, схватил ее на лету клювом и, взмыв в небо, стал медленно кружиться над нами. Потом, минуты через две, птица снова камнем ринулась вниз и преспокойно уселась на плечо хозяину. Грахов высвободил из клюва Крыла свою фуражку и так же спокойно, точно ничего особенного не произошло, надел ее на голову.

– Дядя Вася колдун! Дядя Вася колдун! – пропел высоким голосом другой приятель Грахова, Федя Косых, прыгая: вокруг охотника на одной ноге, точно танцуя.

– Какое тут колдовство, ребята! – сказал охотник. И тут он рассказал попутчикам, как обучал черного ворона следовать за собою, носить и подавать вещи, помогать охотиться за птицами и зайцами, как в конце концов подружился с ним.

– Любопытно то, что мой Крыл нисколько не страшится выстрелов, – сказал охотник. – Я стреляю, а он преспокойно посиживает на плече, точно музыку слушает.

* * *

Много забавного и поучительного рассказал нам Василий Николаевич о своем пернатом питомце! Особенно интересна история о том, как черный ворон гонял

зайца. Как-то глубокой осенью пошел Грахов на охоту и по обыкновению взял с собой Крыла.

...Медленно бредет охотник по узкой лесной тропе, а черный ворон над ним кружится – не отстает. Вот выбежал на опушку чем-то напуганный огромный заяц-русак. Встав на длинные задние лапы, он торопливо огляделся кругом, но, как только завидел человека, стриганул к кустарнику. Как закричит тут Крыл, точно его режут!

Загнал ворон зайца под куст своим страшным криком, низко кружится над кустарником, дожидается, когда хозяин подойдет. Русак, видимо, так испугался страшного карканья большой черной неведомой ему птицы, что подпустил охотника к себе совсем близко. Выстрел – и вкусная добыча в сумке!..

– А вот еще один случай, – помолчав, продолжает Грахов, – я только что с ночной смены вернулся, устал крепко, проглотил на скорую руку ломоть хлеба с огурцом, прилег на кровать. Задремал. Вдруг слышу: во дворе кто-то тревожно кричит. Вскрываю: что такое? Никак, моего Крыла кто потревожил? Из осторожности свет не зажигаю, подхожу к окну и вижу: две тени мелькают, мечутся (луна в ту ночь ярко светила). Мысль мелькнула: «Воры!» Хватаю ружье со стены – и в сенцы. Торопился так, что кадучку с водой опрокинул. А Крыл кричит, будто торопит меня.

Распахнул двери – слышу человеческий негромкий возглас, хриплый, какой-то странный крик моего Крыла. Толкаю ногой дверь, выскакиваю на крыльцо и стреляю для устрашения вверх. Слышу, хлопнула калитка и – тишина: исчезли ночные «гости». Смотрю: где мой Крыл? А он под навесом, у сарая, лежит недвижим. Воры хотели моего приятеля придушить, чтобы не кричал лишку, а вышло по-другому; выходил я своего пернатого питомца, ребята.

И вот, как видите, летает себе жив-здоров. А надо вам сказать, что мой Крыл встречает посторонних людей неласково, сердито кружится над ними и даже, бывает, налетает на них. Он у меня вроде летающей дворовой собаки. Вот Крыл и зашумел, когда чужие люди во дворе появились. Как видите, мой пернатый пес выручил меня в ту ночь из беды, хотя чуть не поплатился своей жизнью.

Василий Николаевич помолчал и задумчиво поднял глаза вверх.

– Крыл! Крыл! Сюда-а-а!

Под одобрителный смех ребят ворон приблизился к земле и снова доверчиво уселся на плечо хозяина.

– Ишь ты... волшебная птица! – восхищенно произнес кто-то из ребят.

...Но вот и бревенчатый домик охотника. Пора и расходиться по домам; темнота быстро окутывает сонную землю; накрапывает мелкий мирный дождик. Над нами лениво, точно в полусне, кружится пернатый приятель охотника.

Совсем неожиданно Крыл уселся на плечо Василию Николаевичу, и мы впервые услышали внятно произнесенное слово, вылетевшее из птичьего клюва: «Крылуша!» Мы шумно захлопали в ладоши, а старый охотник, широко улыбаясь (в темноте было видно, как блеснули его крепкие белые зубы), достал из кармана коробок спичек и пачку «Севера». Протягивая папиросы своему другу, Василий Николаевич сказал:

– Ну-ка, дорогой мой Крылуша, угости меня папиросочкой, да и на покой...

Черный ворон, слегка склонив свою гладкую голову на бок, осторожно, словно боясь поломать папиросу, вытягивает ее из пачки клювом и протягивает хозяину, а потом достает из короба спичку – только одну спичку!

– Спасибо, Крыл! – улыбается Василий Николаевич и весело подмигивает изумленным попутчикам.

Каменский, А. В. Волшебная птица / А. В. Каменский // Мой друг Кирочка : рассказы.
– Текст : электронный. – URL : <https://www.litmir.me/br/?b=132469&p=6>.

ИЗ РАССКАЗОВ ОХОТНИКА

Крылатые питомцы

Однажды в молодости я подобрал в лесу пару сорочат, выпавших из гнезда, принес их домой. На другой день они уже открывали рты, требуя пищи. «Гости» оказались прожорливыми – я кормил их десять раз в сутки творогом, вареной картошкой, хлебом, молоком, мясом, червями. Жили они в маленьком ящике под крыльцом. Через две недели сорочата стали летать. Самка отличалась дикостью, а самец охотно прилетал на мой зов. Его я назвал Бэком, а самку – Шпагой.

Бэк оказался «понятливым», его проделкам оставалось только дивиться. Шпага же в руки не давалась, но и от дома не улетаала. Оба птенца жили на свободе и спали уже порознь: Бэк по-прежнему под крыльцом, а Шпага – на черемухе.

Куда бы я ни шел, Бэк летел за мной, по дороге беспокоя собак и кошек, – это доставляло ему, видимо, большое удовольствие. Кошек он дергал за хвост и быстро отлетал, повторяя нападение до тех пор, пока те не спасались бегством. С собаками Бэк вел себя иначе: он теребил их, вцепившись в хребет, и поклевывал.

Вскоре я научил Бэка кричать: «Дай мне», «Куда пошел?», «Васька» (мое имя). Произносил он эти слова чисто.

С обидчиками расправлялся по-своему. Как-то сосед бросил в него рукавицу. Бэк ее подхватит на лету и понес, перелетая с места на место и словно подрачивая. Много времени я потратил, чтобы отобрать рукавицу. В руки Бэк давался только мне и брату.

Однажды шли ребята в школу и решили подразнить Бэка. Самый бойкий залез на забор, хотел поймать сороку. Бэк взлетел, а потом с размаху как стукнет парнишку клювом по затылку – тот и с забора свалился.

Как-то я пошел за водой, оставив Бэка в комнате. На столе стояли две тарелки с шаньгами. Прихожу – ни одной шаньги нет. Куда они могли деться? Поднял угол половики, а под ним – несколько шанег. Остальные – под одеялом на кровати. Все нашлись.

От соседей Бэк таскал домой много мелких предметов: мыло, ситечки, катушки с нитками. Кроме меня, никому не отдавал «награбленное». Раз принес маленькую медную иконку. Я отобрал, а Бэк снова улетел и принес вторую, третью. Все иконки у соседа повытаскал, какие ему под силу оказались. Я возвратил их хозяину и тот немало ругался.

Исчез Бэк неожиданно, видимо, кто-то убил, а Шпага, одичав, улетела.

Раз прочитал я рассказ «Ворон и его хозяин», и запало мне в голову прочитанное, решил сам испытать. Случай скоро представился.

На острове нашел я вороненка, оперившегося наполовину. Принес домой. Кормил его тем, чем и живших у меня сорочат, лишь добавляя в рацион мышей и побольше мяса.

Ворон быстро привык ко мне. Я тогда работал в артели «Работник» (нынешний ремонтно–механический завод), ездил туда из дома на лодке, а ворон всегда меня сопровождал. Вот как он это делал. С берега летел на остров, там поджидал моего приближения, потом перелетал на Мызу. А когда я высаживался у артели, ворон возвращался домой.

Часто он бывал со мной и в лесу. Однажды впереди из-под куста вылетела болотная сова. Ворон догнал ее и сшиб на землю. Я подбежал и увидел такую картину: сова лежит на спине, щелкает клювом, шипит, зло сверкая глазами, а ворон держит ее за крыло.

Помогал ворон и на зайцев охотиться. Загонит косого под куст да и ждет моего прихода.

Выстрела он не боялся, спокойно сидел на моем плече. Также научил я его приносить и подавать мелкие вещи. Брошу вверх фуражку, ворон подхватит и несет домой. Он доставал из пачки папиросу, из коробки спичку и подавал хозяину.

Как-то возвращались мы из лесу и догнали ехавших с сеном колхозников; ворон кружил высоко в небе вместе со своими собратьями. Я наблюдал за ним. Один из колхозников спросил:

– Чего ты туда смотришь?

– На ворон смотрю.

– Мало ли их летает... Делать тебе больше нечего, что ли?

– Хотите, сейчас кликну одного из этой стаи?

Колхозники переглянулись, потом на меня с сожалением посмотрели – свихнулся, дескать, парень. Я крикнул в небо:

— Крыл! Крыл!

Он отделился от стаи и опустившись, сел на мою вытянутую руку.

Все ахнули. Тут я им рассказал, что ворон ручной и выкормлен мною.

Некоторые и сейчас помнят о нем.

Исчез он из нашего дома внезапно, прожив с весны до декабря.

Грахов, В. Крылатые питомцы / В. Грахов // Знамя труда. – 1966. – 1 февраля.

О чем поведали следы

Лучи заходящего солнца скользили по вершинам деревьев, бросающим причудливые тени. Снег блестел, переливаясь всеми цветами радуги, как огни на новогодней елке. На березе сидел рябчик. В лучах заката он казался сказочной жар-птицей. С последними лучами солнца рябчик огляделся и, встрепенувшись, серым комком упал в снег на ночевку.

Пробираясь под снегом, он энергично работал лапками, изредка высовывая голову наверх, зорко оглядывая лесную поляну. Потом он затих под сугробом. В это время на поляне появился заяц. Он передернул ушами, встал на задние лапы, прислушиваясь, а потом большими прыжками направился к березовой поросли.

Тут он и наскочил на спящего в снегу рябчика. Птица с шумом вылетела, обдав зайца снежной пылью. Заяц в испуге прыгнул в сторону и помчался обратно. На опушке он остановился, снова встал столбиком, понюхивая воздух. Опасности не было. Можно и поужинать, погрызть молодые побеги и кору с веток.

...А вот горностаю в тот день не везло. Мыши после пурги ушли глубоко под снег и не успели еще сделать выходов на поверхность. Горностаю удалось поймать лишь синицу, но это нисколько не утолило голода. В поисках пищи он выбежал на опушку, где, увлекшись едой, сидел заяц.

Горностай стал подкрадываться к нему сначала среди кустов, а когда они кончились, пошел под снегом. Чтобы не потерять направления, он изредка выглядывал, как перископ подводной лодки.

Вскоре горностай оказался немного позади зайца. Белой лентой с черным кончиком хвоста мелькнул он в прыжке и впился в шею своей добычи.

Заяц, издав отчаянный вопль, рванулся, пытаясь сбросить «наездника». Он прыгал, выделял петли и сальто, носился между кустами, но все было напрасно.

Насытившись мозгом, сердцем и печенью зайца, победитель спрятал остальное про запас в укромный уголок. Сейчас можно свернуться клубком в чаще и поспать.

...Припрятанное днем обнаружили голубокрылые сойки. На их крики прилетела сорока, которая тоже позвала своих подруг на даровой обед. Их всех прогнал ворон. После него от зайца мало что осталось. А ворона вспугнул я, обнаружив только шкурку да лапки зайца. Три часа после этого разбирался: что же здесь произошло.

Грахов, В. О чем поведали следы / В. Грахов // Знамя труда. – 1966. – 15 февраля.

Лесная трагедия

Вьюга крутила целые сутки, и все это время лиса отсиживалась в лесу, изрядно проголодавшись. Во время метели она погналась было за зайцем, но скоро бросила свою затею, не сделав и одного круга. Заяц попался старый и опытный, не раз, видимо, и раньше уходил от лисьих зубов.

Пришлось ждать, пока утихнет вьюга, хотя при тихой и морозной погоде трудней подкрадываться к добыче. При снегопаде с ветром заяц и другие звери теряют чутье и подпускают вплотную. Бывало, сама лиса неожиданно выходила прямо на охотника. А в ясную погоду она далеко слышит скрип охотничьих лыж, за сто метров поймает ее ухо писк мыши под снегом.

Побродив по полю, лиса пробовала мышковать, но снег был глубок. Кое-как удалось поймать одного мышонка. Вернулась в лес, надеясь поживиться тетеревом или рябчиком. Прошла два километра, прежде чем услышала хлопанье крыльев и увидела на березах черные точки – это сидели тетерева.

Рыжая плутовка, сделала полукруг и затаилась в кустах, наблюдая за птицами. Они тоже проголодались за время метели и сейчас торопились до сумерек набить свои зобы березовыми сережками.

На самой высокой ели сидел косач. Он не ел, зорко поглядывая вокруг. Когда все, наклевавшись, упали в снег на ночевку, покинул свой пост и сторожевик. Подождав, лиса выбралась из засады, тихонько обошла вокруг поляны, выбирая место для нападения. Она решила попытать счастье на сторожевике – его лунка в снегу была несколько в стороне от стаи.

Поползла по-кошачьи бесшумно, а потом прыгнула, но промахнулась: косач тяжело взлетел, оставив в зубах разбойницы половину хвоста. Но, улета, даже не издал предостерегающего квохтания – то ли от испуга, то ли от радости, что жив остался.

Выплюнув перья, лиса стала подбираться к другим лункам. Второй ее прыжок оказался удачным – тетерка не успела и крыльями взмахнуть. Придушила ее лиса, оставила на месте и принялась за следующую, которую постигла та же участь. Четвертая чуть не вырвалась от лисы, наделав много шума и разбудив остальных.

Только молодой косач крепко спал в сторонке. Проверив лунки, лиса наткнулась на спящего. Проснуться ему не пришлось. Довольная удачной охотой, лиса еще раз обошла лунки, не забывая поглядывать по сторонам – не грозит ли ей самой опасность? Потом принялась за обед. Съела двух тетеревов и, не удержавшись, откусила голову третьему, чтобы полакомиться мозгом. Остальное растащила в разные стороны и спрятала. Три дня теперь можно жить без заботы.

Было уже совсем темно, когда лиса выйдя на свой след, отправилась в тот ельник, где скрывалась во время выюги. Он спасал ее и осенью от преследования охотников. Ельник – густой, завален сейчас снегом. Немалых трудов стоило, чтобы туда забраться. Свернувшись клубком, она уснула сладким сном и проспала до следующего вечера, забыв об опасности.

А в это время мимо шел охотник и увидел след в ельник. Поставил на него два капкана. Ведь лиса обязательно пойдет тем же следом.

...Лиса проснулась в сумерках. Шел небольшой снег. Потягиваясь, вышла она из убежища. Сразу заметила две свежие полосы от лыж. Они и раньше встречались в лесу, вреда от них не было, пересекались эти полосы лисой обычно без всяких неприятностей. Ничего не подозревая, ступая след в след, лиса перешла лыжню и вдруг... что-то щелкнуло, слегка задев левую лапу. Выдернув ее, лиса прыгнула в испуге и пустилась наутек.

Счастливо отделалась потому, что капкан был маленький, пятый номер, да и снегу на него навалило за ночь порядочно. Теперь лиса большими прыжками продолжала бежать по своему следу. Через двести метров ее ждал второй капкан, большего размера. Опять щелкнуло. Лиса осела, стараясь сбросить капкан, по боль в правой лапе приковала на месте. Собравшись с силами, лиса метнулась в поле, волоча капкан, но потом раздумала: там ее выдадут вороны. Надо скрыться в ельник.

Забираясь туда, она зацепилась капканом за сук. Заскулила. Два часа грызла сук, чтобы освободиться. Затем решила избавиться и от капкана, но железо ее зубам не поддавалось.

Неподалеку от ельника жил заяц, которого лиса гоняла накануне. Он выбежал в поле, разрыл снег, покормился и вернулся к ельнику. Не добежав до лисьего следа, прыгнул в сторону, принялся. Запах лисы он почувствовал ранее, но сейчас к нему что-то еще примешивалось... Заяц вернулся к следу, побежал рядом и понял: ага! Лиса в капкан попала! Так ей и надо! Довольный, он умчался прочь.

...Перед рассветом лиса снова пыталась освободиться от капкана, но, выбившись из сил, покорно легла на место. Когда стало совсем светло, она услышала скрипение лыж, хруст веток. Хотела бежать, но капкан держал крепко. Тут и охотник подошел.

Грахов, В. Лесная трагедия / В. Грахов // Знамя труда. – 1966. – 24 марта.

СТИХИ

Плач совы

Кричит сова, чего-то просит,
Но кто поймет ее язык?
Лишь ветер по лесу разносит
Ее печальный плач и крик.
Кричит сова во мраке ночи,
И днем не радуется житье;
Нет, больше жить не стало мочи –
Так голод мучает ее.
Пора суровая настала
Для жизни ей в родных краях.
Одну в неделю мышь поймала,
И больше нет мышей в полях.
Закончилась учеба в школе,
И дети, нет чтоб отдыхать,
Так всей ватагою на поле
Пришли мышей уничтожать.
Копали, в норы воду лили,
Губя вредителей хлебов.
И много, много истребили
Они за лето грызунов.
Повсюду нивы опустели,
В полях стоит сплошная тишь.
Одна сова сидит на ели
И ждет, когда увидит мышь.
Она сидит и горько плачет,
Она кричит все до утра.
Но этот крик совиный значит,
Что нашим школьникам – ура!!!
Не зря они в полях бывали
И навели на плач сову:
За труд на выставку попали
И летом съездили в Москву.

Грахов, В. Плач совы / В. Грахов // Знамя труда. – 1966. – 15 января.

Вестники весны

Чуть весна в окошко глянула,
Чуть ступила на порог, –
Утром солнышко румяное
Озарило сто дорог.
И никем они не торены
По просторам голубым.
Кто же это так уверенно
Путешествует по ним?
Это все путями скорыми
Мчатся вестники весны:
Им ни рельсы с семафорами,
Ни билеты не нужны.
Крылья в воздухе полощутся.
Слышны чьи-то голоса.
Ждут гостей луга и рощицы.
Ждут своих певцов леса.
Над серебряными вербами
Опрокинулись лучи...
Прилетели в город первыми
Беспокойные грачи.

Грахов, В. Вестники весны / В. Грахов // Знамя труда. – 1966. – 29 марта.

Клесты

Когда зимою в январе
Трещат морозы на дворе,
В лесу на ели меж ветвей
Выводит клест своих детей.
Морозы, бури и метели
Ему нисколько не страшны,
Лишь были шишки бы на ели,
Созревших семечек полны.

Грахов, В. Клесты / В. Грахов // Знамя труда. – 1965. – 7 декабря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грахов Василий Николаевич // Книга Памяти 1941-1945. Очерский район. Т. 2. – С. 132–135.
2. Грахов, В. Вестники весны / В. Грахов // Знамя труда. – 1966. – 29 марта.
3. Грахов, В. Клесты / В. Грахов // Знамя труда. – 1965. – 7 декабря.
4. Грахов, В. Крылатые питомцы / В. Грахов // Знамя труда. – 1966. – 1 февраля.
5. Грахов, В. Лесная трагедия / В. Грахов // Знамя труда. – 1966. – 24 марта.
6. Грахов, В. О чем поведали следы / В. Грахов // Знамя труда. – 1966. – 15 февраля.
7. Грахов, В. Плач совы / В. Грахов // Знамя труда. – 1966. – 15 января.
8. Грахов, В. Поход на озеро / В. Грахов // Сталинский ударник. – 1952. – 20 июля.
9. Грахов, В. Солдатская смекалка / В. Грахов // Книга Памяти Очерского района. Т. 2. – С. 135.
10. Грахов, В. Суровые будни войны / В. Грахов // Знамя труда. – 1975. – 22 июля.
11. Каменский, А. В. Волшебная птица / А. В. Каменский // Мой друг Кирочка : рассказы. – Текст : электронный. – URL : <https://www.litmir.me/br/?b=132469&p=6>.
12. Криницкий, Б. Охотник Грахов / Б. Криницкий // Домик в Очере. – Москва : Госкультпросветиздат, 1949. – С. 31–34.
13. Рязанов, Н. Сердце, открытое людям / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1965. – 28 декабря.
14. Рязанов, Н. Шесть дней и вся жизнь / Н. Рязанов // Знамя труда. – 1983. – 4 августа.

